

Глава 37. Бегство.

Собираясь, Надежда подстёгивала себя: «Скорей, скорей!»

Достала из-под кровати небольшой чемоданчик, вытряхнула содержимое прямо на пол, стала набивать заново. Ничего ей пестряковского не нужно! О боже, как он ненавистен ей, это лягушечье лицо в очках, белая тощая грудь... Что ещё им куплено?

Но разве определишь, разве вспомнишь? Лучше она вообще ничего не возьмёт! Платья полетели назад в гардероб. Пусть будет как можно меньше из прошлой жизни! Несчастливая, за эти тряпки ты продала свою молодость, свою жизнь! На тряпки обменяла любовь...

Надежда склонилась над пустым чемоданом. Тряпки ещё наживёшь, а молодость? Кому ты теперь нужна такая? Нелепо устроен мир, если мудрость приходит тогда, когда она человеку без надобности. Уже накануне брачной ночи она ясно сознавала, что не любит его. Но ханжеская, дураками придуманная поговорка утешала тогда: стерпится — слюбится...

Стерпится — слюбится — рассуждала она в те времена, и, казалось, весьма разумно рассуждала, мало ли семейных пар вокруг — сходились без книжной любви, а живут себе, да как ещё хорошо живут!

Несчастливая... Если бы она тогда могла знать, как лживо это — стерпится. Если бы кто-то умный, видящий на много лет вперёд, объяснил тогда: нет, дорогая, в жизни совсем не так, как ты себе нашептала. Всё по-другому будет. Сначала-то как раз всё будет нормально: первая сладость супружества, новые хлопоты, детишки. Отрезвление придёт позже, когда ты, кажется, уже привыкла к жизни с немилым. Тут вдруг и поймёшь, что жизнь у человека одна. Не жила, а терпела — изо дня в день. Но с каждым годом всё трудней становилось, из терпенья проросла ненависть. Отвратителен голос его, жесты, глянцевого блеск его очков, шарканье его ног по комнате, тоскливые мысли его — высказанные и невысказанные. Девчонкой думала: учитель, ум, культура, благородный человек. А оказался? Мелкая душа. А знаний его — на одну школьную тетрадку. Что привёз из пединститута, тем и довольствуется по сей день. Маленький человек, что мог он дать ей? Замуровал её душу... Ни разу, сколько помнила себя замужем, она не порадовалась так, чтобы кровь вскипела. Вовремя накормить его, выслушать его рассуждения, нарожать от него детей...

Ах, если бы не дети! В мыслях она ведь давно ушла от него. Когда поссорились после кражи дневника, и вовсе выставила его на диван, швырнула туда подушку и одеяло. Не было вечера, чтобы она не сказала себе: «Сегодня последняя ночь. Завтра я уйду». Но утром, встретившись с вопрошающими взглядами детей (они давно почувствовали, что в доме неладно), теряла решимость. Но сегодня — всё!

Пестряков собрал учителей и, не пытаясь скрыть торжества, огласил приказ об увольнении Аласова. Она слушала ликующий голос мужа, и мысль её была одна: «Вот и конец! Вот и конец!»

Щёлкнул выключатель, и комнату залило светом — это Лири пришла из школы. В пальто и с сумкой, она всё стояла, держа руку на стене около выключателя.

— Мама? Разве тебе не темно? Мамочка, что такое? Скажи, мама!..

— Деточка... Мы уходим сегодня отсюда. Совсем уходим...

— А папа?

— Папа остаётся.

— Мамочка, не надо... Не надо, мамочка!

У девочки от слёз перехватило горло. Она рванулась, как бы желая обнять мать, но тут же круто повернулась и выскочила из комнаты. Хлопнула входная дверь.

Ты уверена, что дети когда-либо поймут и оправдают тебя? С тобой всё ясно — нет у тебя иного выхода. Но как это видится глазами дочери? А сын? Он ещё крошка, он и не подозревает, что сейчас происходит — мать и отец никогда уже не будут вместе! Беспечно играет на улице... Если она увидит плачущего сына, она не переступит порог. Надо уйти прежде, чем кто-либо вернётся домой. Потом она их заберёт. Завтра же придёт за своими детьми, но уже оттуда.

Надежда выгребла из ящика свои безделушки, ссыпала в сумку, вспомнила про документы, нашла их, потом оделась и взяла чемодан. Прощай. Всё тут было ухожено её руками — вышивки, накидочки, подставочки. Но совсем не «гнёздышком» был этот дом — тюрьмой! Будь ты проклята — вместе с тюремщиком!

Подумала — и застыла с чемоданом в руке: хлопнула дальняя дверь. Муж, знакомое шарканье.

Что ж, пусть так. Уйду не крадучись. Пусть он войдёт и увидит... Но где же он, почему не входит? Ах, да — он разденется сначала. Прошёл в кухню. Наконец идёт сюда. Взялся за ручку двери...

— Это как понимать — мы сегодня без обеда? — недовольное лицо, раздражённый голос. Взгляд сначала сердитый, потом удивлённый, брови поползли вверх. — Ты откуда?

Выдвинутые ящики, раскрытые дверцы, одежда и обувь по всей комнате.

— Н-надя, это... что?

Она шагнула к двери, выставив чемодан перед собой.

— Так, так... — сказал Тимир Иванович и опустился на стул, обхватив руками голову, как человек, который приготовился выслушивать любые объяснения, упрёки, угрозы. Его выставленное колено дрожало.

Но жена ничего не стала объяснять, она уже взялась за ручку двери. Она уходила!

— Стой! — крикнул он тогда. — Не рассчитывай, что я тебя отпущу вот так... Почему ты молчишь? Ты уходишь из дому? Почему? Я виноват перед тобой? Отвечай!

Она смотрела на его шевелящиеся губы и молчала.

— Ты!.. — крикнул он, захлебнувшись, бросился, прижал дверь спиной. — Надя, Надюшечка, подумай только, что делаешь. Раздётся, присядь, поговорим разумно... Куда идёшь, к кому? Уж я ли тебя не люблю! Ты вон письмо Нахова подписала, донос на мужа, а я и это простил тебе... Если какие мелкие недоразумения, разве можно из-за них? На руках носить тебя буду. Разве ты не видишь, что я всё только для тебя, чтобы тебе было хорошо, семье! Разве я тебя тронул хоть пальцем, как другие мужья? Ведь мы столько лет с тобой, Наденька, ведь ты же любила меня? Если меня не жалеешь, то детей!..

Надежда с силой рванула дверь на себя и шагнула через порог. Он догнал её в сенцах, попытался схватить за плечо, но она оттолкнула его.

— Уходишь, так уходи! А детей не дам!

На дверях библиотеки висел замок. Надежда в темноте с трудом разобрала записку, припиленную рядом с замком: «Уехала в райцентр». Она так уверенно рассчитывала на пристанище у Тамары-библиотекарши, и вот...

Стараясь держаться подальше от людных тропок, по еле видимой санной дороге побрела она к окраине Арылаха — сама толком не зная куда. Чемодан оказался тяжёлым. Сначала она несла его перед собой, потом попыталась уместить на плече.

...Поздней ночью, когда замолкла электростанция и в деревне уже не было ни огня, Надежда, уставшая и чуть живая от холода, постучалась к Степаниде Хастаевой.

— Кто тут?

— Я, Стёпа... Я...

Послышался шорох спичечной коробки, запрыгал бледный огонёк. Степанида, увидев Пестрякову, густо покрытую снежным куржаком, так и застыла со свечой в руке.

— Надежда Алгысовна?!

— Я самая... Переночевать пустите?

Хастаева помогла раздеться, усадила гостью у тёплой плиты.

— Грейтесь, грейтесь. Сейчас я чаю вам...

Только в тепле Надежда почувствовала, как замёрзла. Зубы стучали — невозможно было унять.

— Что случилось, Надежда Алгысовна?

— От мужа ушла. Не спрашивайте, Стёпа...

Хастаева стала собирать для Надежды постель на диванчике. Та сидела неподвижно, странная и незнакомая при свете колеблющейся свечи.

Почему, зачем? К Аласову собралась? Сомнительно. Ни ты, Надежда Алгысовна, ни я, грешная, никто из нас ему не нужен. Там другая вошла клином. Какие фортели жизнь выкидывает — гордячка Надежда Пестрякова среди ночи стучится к ней, к Стёпе Хастаевой! Та самая Пестрякова, которая привыкла свысока смотреть на безалаберную Стёпку, лишь изредка снисходя до беседы, да и то из милости. Важная дама, «хозяйка школы» и мать своих прекрасных детей, она разговаривала со Стёпой точно с Лукой-пастухом или с косоглазой Настасьей-сплетницей...

— Детей я оставила, — словно про себя сказала Надежда.

Ага, детей вспомнила. Страдальческое признание беглой жены. Несомненно, Стёпе тут следует разжалобиться, как всякой женщине при мысли о несчастных детках. Но у Стёпы был, видимо, нестандартный характер — она ничуть не разжалобилась. Несчастливые дети, несчастная семья? А кто виноват, Надежда Алгысовна? Хорошо известно, как ты обошлась с Аласовым в войну, как ловко окрутила важного завуча. Тогда ведь Сергей Аласов любил тебя. Экое счастье шло в руки! Нет, дорогая, в этом среднем мире ни одно бесчестье не остаётся безнаказанным! Дети страдают невинно — это уж точно. Рожать детей — тоже право должно быть. Иная родит — как преступление совершит. Что же касается её, Степаниды, то никогда в жизни она не пойдёт за нелюбимого!

Конечно, негоже обижать гостью, однако не сдержалась, проговорила в ответ:

— Детишек жалко. А вас, Надежда Алгысовна, мне, по правде сказать, не жаль.

Надежда подняла глаза, лицо её отвердело.

— Я и не нуждаюсь в жалости, Степанида Степановна.

— Ну хорошо, хорошо, — спохватилась та. — Спать-то будем?

Огарок свечи догорел и потух, стало беспросветно темно.

— Спите? — спросила Степанида.

Гостья не ответила.